

Зализняк А. А. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО КОДЕКСА XI ВЕКА, НАЙДЕННОГО в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 190-212.

13 июля 2000 г. в ходе археологических раскопок в Новгороде, ведущихся под руководством В. Л. Янина, из напластований 1-й четверти XI века была извлечена уникальная находка – кодекс (триптих) из трех навощенных дощечек с сохранившимся на воске текстом. Четыре внутренние поверхности, покрытые воском, служат страницами кодекса, две внешние – обложками.

Датировка кодекса 1-й четвертью XI века определяется археологически, и с ней хорошо согласуется результат радиоуглеродного анализа воска (полученный в ноябре 2000 г. в лаборатории имени Ангстрема отделения ионной физики университета Упсалы И. Посснертом, которому мы приносим глубокую благодарность): при уровне надежности в 68,2 % основной из возможных датирующих интервалов (на который приходится 84 % вероятности) – 980-1050 гг. (т. е. 1015 ± 35).

Таким образом, это древнейшая ныне известная книга древней Руси. Она на несколько десятилетий старше, чем самая ранняя датированная книга древней Руси – Остромирово евангелие 1056-1057 гг. Если же учесть, что древнейшие старославянские памятники не датированы, Новгородский кодекс оказывается самой ранней славянской книгой с относительно узкой датой.

Судя по износу дерева, кодекс был в употреблении долгое время, прежде чем был потерян (по оценке В. И. Поветкина, не менее двух-трех десятилетий).

Кодекс содержит два рода текстов: 1) основной текст (два псалма) – легко и надежно читаемый (за вычетом отдельных букв) текст на воске; 2) «скрытые» тексты (псалмы и другие сочинения религиозного содержания) – восстанавливаемые с чрезвычайным трудом и без полной надежности; это тексты, непосредственно процарапанные по дереву или сохранившиеся в виде слабых отпечатков на деревянной подложке воска, возникавших при письме по воску. Общая длина скрытых текстов во много раз больше, чем длина основного текста.

Почерк единый во всем кодексе.

Реставрация памятника и предельно кропотливая многомесячная работа по сборке фрагментов воска, в том числе мельчайших, с целью восстановления поврежденного основного текста памятника, осуществлена В. И. Поветкиным.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ КОДЕКСА (НА ВОСКЕ)

Основной текст кодекса опубликован и прокомментирован в работе [Зализняк, Янин 2001]. Поэтому здесь мы ограничимся тем, что напомним главное.

Сохранившийся на воске текст – это псалмы 75 и 76 и три стиха из псалма 67. Псалом 67 относится к другому слою записи (более раннему), чем 75 и 76. Подготавливая страницы кодекса для записи псалмов 75 и 76, писец стер псалом 67 (и то, что ему предшествовало), но не до конца, поскольку расчищенного места ему уже хватало.

Язык кодекса – старославянский, но с восточнославянскими ошибками (впрочем, довольно редкими) в передаче юсов. Таким образом, переписчиком был восточный славянин.

Графика – одноеровая: вместо ѣ и ѥ используется только ѣ. В отличие от большинства других одноеровых книжных памятников, в Новгородском кодексе эта графическая система проведена со стопроцентной последовательностью (как в основном тексте, так и в «скрытых»).

Отметим также некоторые из прочих графических особенностей. Регулярно используются ѡ, ю, ѣж, оу, ы, щ. Буква ѡ есть, но может заменяться на ѡ (в основном выступает є). Буквы ї и ѿ редки; буква ѕ встречается только в качестве цифры и в названии буквы **ѕѣло**. Изредка встречается смешение ж и ѣж (очевидно, перенесенное из южнославянского протографа).

В отношении языка наиболее надежные сведения дает именно основной текст кодекса.

Сильные редуцированные еще находятся в своем первоначальном состоянии: никаких примеров их «прояснения» нет вообще. Процесс падения слабых редуцированных уже начался, но продвинулся лишь незначительно. Группы словоформ, где ѣ на письме уже иногда отсутствует, – в основном те же, которые хорошо известны по другим памятникам XI в. (прежде всего **кто**, **что**, основы **мног-**, **кназ-**, **вс-**, **дн-**, **створ-**).

Рефлексы сочетаний типа **TьrT* – правильные старославянские (**оумльча**, **пръвыа** и т. п.). Особо отметим единичные **иѡковѡ** (вместо **иѡковлѡ** или **иѡковла**) и **гнѣ** (вместо **гнѡ**), очевидно, восходящие к южнославянскому протографу.

В морфологии никаких русизмов нет. Т. ед. муж. регулярно имеет **-омь**, **-емь**, Р. ед. и И. В. множ. жен. (мягкого склонения) – **ѡ**. Имперфект – нестяженный, например **кльцааше**. Между тем членные прилагательные – регулярно стяженные, например **вышьнѡго**,

страшноумоу, въ свѣтъмъ. Окончание **-тъ** в презенсе в условиях одноеровой графики, разумеется, неинформативно.

Оценивая язык памятника в целом, следует констатировать, что русизмы в нем выступают практически лишь в форме ошибок (причем сравнительно редких) в выборе знаков для носовых и неносовых гласных. В отличие от Остромирова евангелия и других памятников 2-й половины XI века, здесь еще нет ничего, что можно было бы интерпретировать как проявление формирующихся новых, русифицированных норм в сфере орфографии или морфологии.

Как и использование одноеровой графической системы, этот факт свидетельствует о том, что памятник принадлежит к более древнему и качественно иному периоду развития русской письменности, чем памятники 2-й половины XI века. Русского извода славянской письменности как системы на данном этапе еще нет. В сущности перед нами еще просто старославянский текст с некоторым числом ошибок.

СКРЫТЫЕ ТЕКСТЫ КОДЕКСА

Изучение скрытых текстов кодекса велось: 1) по оригиналу; 2) по фотографиям; 3) по сканировкам фотонегативов, выведенным на монитор компьютера; 4) по сканировкам оригинала (после его консервации), выведенным на монитор компьютера. Первый из этих вариантов изучения был ограничен коротким периодом, предшествующим передаче досок в работу по консервации дерева. Наиболее эффективными оказались последние два способа.

Фотографирование оригинала выполнено Е. В. Гордюшенковым. Сканированием негативов фотографий мы обязаны В. В. Гатову и А. И. Чернову, сканированием оригинала (после консервации) – С. В. Трояновскому. В марте 2002 г. используемые нами сканировки были дополнительно обработаны под руководством проф. Алана Боумана в Центре изучения древних документов Оксфордского университета по программе улучшения видимости надрезов.

Новгородский кодекс оказался совершенно уникальным памятником, где на крайне ограниченном пространстве из четырех страниц нагромождены следы целой серии интереснейших древних текстов. Но доступ к этим текстам беспрецедентно труден.

В ходе работы над кодексом продолжают обнаруживаться все новые скрытые тексты. Поэтому подводить какие-либо итоги здесь преждевременно. Ниже мы просто расскажем о важнейших скрытых текстах в том порядке, как они обнаруживались по ходу изучения памятника. Их анализ, конечно, уже не входит в рамки настоящей

работы. Речь идет только о том, чтобы проинформировать о новонайденных текстах и очертить круг проблем, которые в связи с ними возникают. Вообще в связи с Новгородским кодексом вопросов и загадок пока больше, чем ответов и разгадок.

Сам факт, что на деревянной подложке воска сохранились слабые отпечатки некоторых букв, был обнаружен мною (через две недели после находки) почти случайно, поскольку в экспедиции не было опыта работы с подобными памятниками и участки доски, где воск был утрачен, казались совершенно пустыми. Далее было замечено, что сохраняются также слабые следы букв, процарапанных писцом непосредственно по дереву на бортиках («полях») кодекса.

В середине августа 2000 г. удалось прочесть первые скрытые тексты. Это были изречения, процарапанные на бортиках:

бѣ чиноу слоужьбы и часовъ же всѣхъ безъ отъпѣвннѣ доушь безъ отъ себе прогнаниа всѣхъ людии безъ отължчениа альчжщихъ знаниа (на 3-й странице);

сиа кънигы пьсальтырь сиротамъ и вдовицамъ оутѣшение мирное страницищемъ недвижимое море рабичищемъ несждимое начинание (на 4-й странице).

Работы по консервации и реставрации памятника потребовали отделения воска от дерева (поскольку процедура консервации дерева повредила бы воск). В. И. Поветкин проделал деликатнейшую операцию по снятию воскового покрытия с деревянной подложки. Тем самым открылась поверхность досок, прежде скрытая под воском.

Вскоре на 1-й странице на этой поверхности был прочтен первый текст, сохранившийся только в виде отпечатков на дереве под воском. Это оказался неизвестный ранее религиозный текст апокрифического характера (длиной в одну страницу), начинающийся словами: **законъ да познаеши крѣстианьскаго наказаниа** (позднее этот текст получил условное обозначение «Закон Иисуса Христа»). Далее читается: **азь єсьмь наказанъ въ сп̄сєниє наказомъ неємныхъ словєсь : сиа словєса**. После этого следуют 22 сентенции (частью повторяющиеся), построенные по одной и той же модели (так наз. аретологической): **азь єсьмь...**; например, **азь єсьмь тайна неськазанънаа, азь єсьмь истина и законъ и пророци**. В конце этого ряда сентенций сказано: **сиа словєса й̄са х̄са**. Заключительная часть текста – торжественное заявление об отказе от идолослужения и о преданности учению Христа.

В целостном виде данное сочинение ни в славянской, ни в греческой традиции не обнаружено. Можно констатировать лишь сходство отдельных мотивов. Так, **законъ и пророци** – хорошо известное евангельское словосочетание; некоторые сентенции (в частности,

азь есьмь двъръ и истина и пжть и стьза) обнаруживают близость к Евангелию от Иоанна.

Вслед за этим было обнаружено, что псалму 67 предшествовал в кодексе псалом 66, а тому – псалом 65. После окончания полевого сезона было выявлено еще несколько псалмов, т. е. стало ясно, что кодекс использовался (по-видимому, в комплекте с еще четырьмя или пятью такими же) для переписывания псалтыри частями, причем при записи следующей части предыдущая часть стиралась. Было установлено также, что в составе кодекса «Закон Иисуса Христа» непосредственно предшествовал псалтыри (а именно псалму 1).

В ходе этого изучения стало ясно, что слоев записи в кодексе не два, а гораздо больше (что, впрочем, совершенно естественно, поскольку восковые таблички были предназначены именно для многократного использования). И стало понятно, почему доски на первый взгляд кажутся пустыми: глаз стремится различить изолированные буквы с привычными контурами, тогда как на доске столь плотно нагромождены одни буквы на другие, что все они сливаются в одну сплошную сетку из идущих во все стороны штрихов, которые воспринимаются просто как фон, а не как исписанная поверхность.

Постепенно выявилась также необычная индивидуальная особенность писца данного кодекса, состоявшая в том, что он по какой-то причине писал один и тот же текст несколько раз, а именно стирал предшествующую запись и делал снова такую же. В результате на дереве букву нередко видно как бы в двух или более экземплярах, стоящих рядом или накладывающихся друг на друга (гипотеза о некоем оптическом эффекте отпадает, поскольку такие буквы-дубликаты не всегда по конфигурации в точности одинаковы). Соответственно, среди следов на доске имеются так наз. дубли, т. е. одинаковые записи, расположенные либо практически на одном и том же месте доски, либо с небольшим сдвигом по вертикали и/или по горизонтали. Надежного объяснения этой загадочной для современного человека стратегии записывания пока все еще нет; из разных версий нам представляется наиболее правдоподобной та, что писец действовал так во имя религиозного благочестия (подобно многократному повторению одних и тех же молитв).

Итак, Новгородский кодекс представляет собой род палимпсеста. Однако от обычных палимпсестов (где наложено друг на друга два-три текста, изредка несколько больше) он отличается тем, что «слоев» в нем во много раз больше. Этот особый частный случай палимпсеста можно назвать *гиперпалимпсестом*. Работа с Новгородским кодексом аналогична, таким образом, попытке прочтения копировальной бумаги, использованной много раз.

Дополнительная трудность по сравнению с классическим палимпсестом состоит в нашем случае в том, что почерк во всех слоях записи один и тот же, поэтому разделение слоев на основании почерка здесь невозможно.

Вопреки ожиданию, многослойными оказались не только следы текстов на досках под воском, но и записи на бортиках. Как именно возникала эта многослойность, в точности неизвестно. Можно предполагать, в частности, что от постоянного прикосновения пальцев процарапанные на бортиках записи довольно быстро замусоливались и становились трудноразличимыми. Тогда владелец кодекса обводил свою запись еще раз (если она ему была все еще нужна) или просто делал на том же месте какую-то другую запись. Впрочем, возможно также, что писавший просто пренебрегал наличием другой записи; так, на стенах церковей нередко одна надпись процарапана прямо поверх другой, т. е. в условиях, когда предшествующая запись была несомненно полностью видима; см., например, [Высоцкий 1966: табл. XXI. 3, XXV. 1; Высоцкий 1976: табл. XXVI, LIV и др.]. Так или иначе, мы реально обнаруживаем ныне на бортиках почти такую же картину множественного наложения друг на друга различных записей, как на дереве под воском.

Нам неизвестны какие-либо прецеденты прочтения гиперпалимпсестов. Соответственно, не было возможности применить здесь какую-либо готовую методику и приходилось самостоятельно выработать и самые приемы работы. В дальнейшем исследователи, вероятно, найдут более эффективные приемы, но пока что мы можем предложить только то, что удалось достичь, двигаясь ощупью и действуя методом проб и ошибок. О конкретном характере трудностей при работе над скрытыми текстами Новгородского кодекса и способах их преодоления подробно рассказано в работах [Зализняк 2002; Зализняк (в печати)]. Здесь мы только напомним важнейшее.

Указанные выше обстоятельства создают совершенно особую ситуацию, в которой прочтение текста в обычном смысле слова (т. е. в таком, как для нормальных рукописей) вообще невозможно. Соответственно, нашу работу следует рассматривать как *реконструкцию* текста, а не как его прочтение в обычном смысле. И если мы ниже все же позволяем себе употреблять слово «прочтение», то это следует понимать лишь как терминологическое упрощение, дающее возможность избежать тяжеловесных формулировок. Саму же операцию распутывания наложенных друг на друга записей можно квалифицировать как их *расшифровку* (понимая этот термин в том более широком смысле, когда необязательно предполагается, что текст сознательно зашифровывался).

Главная особенность, отличающая скрытые тексты нашего кодекса от нормальных рукописей, состоит в том, что просто воспроизвести все видимые на доске (скажем, в выбранной нами строке) буквы, прежде чем пытаться осмыслить их как текст, в нашем кодексе совершенно нереально. В каждой точке взятой строки глаз может усмотреть сразу несколько разных букв. Попытка выстроить все, что видно в строке, в какую бы то ни было линейную последовательность обречена. Нереально даже выстроить их в цепочку из n позиций, где каждая позиция содержит несколько альтернативных букв, – поскольку буквы видны во всех точках строки и неизвестно, сколько надо выделить позиций и как ограничивать их одну от другой.

Единственный реальный путь продвижения вперед по тексту состоит в том, чтобы с учетом видимых букв строить на основании уже пройденной части текста все правдоподобные гипотезы о ее возможных продолжениях и одну за другой их проверять, т. е. выяснять, имеются ли среди видимых отпечатков также и те, которые точно соответствуют (в т. ч. по размеру каждой буквы и ее позиции в строке) предположенному слову. Если на каком-то отрезке проходит более одной гипотезы, необходимо исследовать каждую из образующихся таким образом ветвей возможных продолжений. По мере продвижения вперед ошибочные ветви будут рано или поздно отпадать, поскольку для них не найдется удовлетворительных продолжений. Какие-то из прежних гипотез, которые были локально удовлетворительны, окажутся неудовлетворительными в рамках более крупного целого и будут отброшены.

Важным положительным обстоятельством для чтения скрытых текстов является характерная для Новгородского кодекса многократная запись одного и того же текста, которая хотя и усложняет работу тем, что увеличивает и без того большое нагромождение одних штрихов на другие, но дает возможность проверки одного списка некоторого текста по другим. Тем самым риск ложных прочтений, возникающих в условиях крайне слабой видимости, уменьшается во много раз.

Следует специально упомянуть о проблеме возможных ошибок писца. Предположим, писец допустил опisku: вместо **подасть** написал **падасть** (с предвосхищением гласной следующего слога). Если, однако, среди наложенных друг на друга букв, которые мы фактически видим здесь в позиции после **п**, наряду с **а** есть и **о** (а вероятность этого не так уж мала), то мы, конечно, реконструируем эту словоформу как **подасть**, а не **падасть**. В условиях нашего памятника поступить иначе мы просто не можем. Не можем даже позволить себе примечание о том, что здесь мыслимо и альтернативное чтение,

предполагающее описку: ведь тогда нашу реконструкцию пришлось бы сопроводить бесчисленным количеством таких примечаний.

Аналогичная ситуация возникает там, где конкурируют правильное старославянское написание и русизм, скажем, **ѡзыкѣ** и **ѡзыкѣ**. Здесь мы тоже вынуждены при реконструкции предпочесть первое, поскольку русизмов в целом несравненно меньше, чем правильных написаний. В этом пункте усложняет дело также то частное обстоятельство, что буквы **ѡ** и **ѡ**, равно как **ѡ** и **ѡ**, внешне очень похожи, так что в составе скрытых текстов их зачастую надежно различить невозможно. Очень трудно надежно выявить также наличие или отсутствие вертикальной черточки, отличающей **ѡ** от **ѡ** и **ѡ** от **ѡ**; поэтому, хотя мы знаем из основного текста, что писец иногда смешивает йотированные и нейотированные буквы, при реконструкции скрытых текстов мы случаи подобного смещения, как правило, выявить не можем. Все это значит, что наша реконструкция неизбежно должна быть в некоторых точках «правильнее», чем оригинал; в частности, она должна содержать меньше русизмов, чем оригинал.

По этим причинам для лингвиста скрытые тексты Новгородского кодекса представляют собой (по крайней мере в том, что касается фонетики и морфологии) менее надежный материал, чем основной текст на воске.

Изучение Новгородского кодекса (по фотографиям и сканировкам) было продолжено мною во время пребывания в Геттингене осенью 2000 и зимой 2001 г.; приношу благодарность фонду имени А. Гумбольдта и Семинару по славянской филологии Геттингенского университета, руководимого проф. В. Лефельдом, за предоставленные мне исключительно благоприятные условия для работы. За этот период удалось обнаружить в кодексе значительную серию новых скрытых текстов. Перечислим важнейшие из них (в порядке обнаружения).

Прежде всего, исследуя то, что предшествует «Закону Иисуса Христа» (и тем самым продвигаясь каждый раз от конца текста к началу), удалось выявить некоторую цепочку сочинений, которые во всех обнаруженных списках следуют друг за другом в одном и том же порядке. Состав этой цепочки таков.

Неизвестное апокрифическое сочинение, начинающееся словами: **+ азъ архангѣль гаврииль пишѣ молитвѣ**. В составе кодекса оно непосредственно предшествовало «Закону Иисуса Христа». Вторая фраза сходна с тем, что читается в «Законе Иисуса Христа»: **сиа словеса**

нашего спасителя и́са х́са. После этого следует ряд из 116 (!) императивов (частью повторяющихся), представляющих собой заветы благочестия. Короткое заключение обещает молящемуся помощь Иисуса Христа в ответ на его молитву.

Список императивов построен чрезвычайно искусно. Мы находим здесь игру корнями при одной приставке (например, **и съврѣшите и съставите и съберѣте**), игру приставками при одном корне (**и спасѣте и пасѣте; и разнесѣте и възнесѣте**), то же с использованием созвучия корней (**и опростите и простите и поустите; и оутѣшите и оучите и тишите и потрѣпите**). Есть пассажи, где автор явно учитывал ритмику (а может быть, даже и рифму); помимо некоторых из уже приведенных, ср., например: **и тешите и строите и пашите и сѣите**. Эти эффекты наводят на мысль, что перед нами не перевод (как естественно было бы ожидать), а оригинальное сочинение. Если это все-таки перевод, то чрезвычайно свободный, близкий к вариациям на заданную тему, поскольку буквальный перевод никогда не мог бы дать столь блистательной игры славянскими морфемами.

Замечательны также смысловые фигуры, использованные в списке императивов, например триада **и мирите са и грозите са и тишите са**, построенная по принципу «утверждение – отрицание – отрицание отрицания», или впечатляющее противопоставление тройного разрушения и последующего тройного восстановления в пассаже **и проженѣте и разорите и разберѣте – и съврѣшите и съставите и съберѣте**.

Неизвестное сочинение, начинающееся словами: **+ размарѣжщеи и размиряжщеи**. Оно непосредственно предшествовало «Архангелу Гавриилу». Вначале многократно повторяется приведенное словосочетание. Затем список причастий начинает варьировать, сохраняя, однако, приставку **раз-**: в разных комбинациях использованы причастия **разбиваѣжщеи, раздирѣжщеи, разламѣжщеи, размѣтаѣжщеи, раскажаѣжщеи, раскалаѣжщеи, раздымаѣжщеи, раздѣлаѣжщеи, раскарѣжщеи**. Заметим, что для создания этого удивительного ряда автор прибегает даже и к словотворчеству – создает такие комбинации морфем (например, **размарѣжщеи** или **раскарѣжщеи**), которых в готовом виде в языковом узусе почти наверное не было. Список продолжают 16 причастий другой структуры – все с отрицательной коннотацией. И после этого вдруг следует мгновенное разящее завершение этой гигантской фразы: **живи не быша людие**. И только тогда становится ясно, что все эти бесчисленные причастия были определениями к подлежащему. Таким изысканным способом изложена мысль, что полная раздоров, вражды и пороков жизнь людей,

еще не знающих Христа, равносильна смерти. После этого следует сравнительно короткая заключительная часть, где сообщается о том, что люди пришли к Христу с тем, чтобы услышать его слова.

Неизвестное сочинение, прочтенная часть которого начинается словами: **и кланаете са велзевулоу ѡзыкомъ своимъ и кланаете са азрайлоу ѡзыкомъ своимъ** (установить, являются ли эти слова началом всего сочинения, не удалось). Оно непосредственно предшествовало «Размаряющим и размиряющим». Приведенная фраза многократно повторяется, после чего период завершается словами: **и кланаете са на вѣстокъ слѣнца и кланаете са и противъномуу и кланаете са богомъ и кланаете са и еще**. Далее следуют требования положиться на Бога, разобрать шатры и, взяв с собой лишь верблюдов, но не беря ни слуги, ни пришельца, ни зятя и не покупая опресноков, идти к Моисею. К сожалению, остается неизвестным, кто именно обращается к идолопоклонникам с этой обличающей речью и с этими требованиями. Речь оказывается действенной: **отътоли народи дрѣваны и каманы идолы възъмше придоша къ моисею и рѣша емоу : поиди и проси даровъ оу господа и дасть ти**. Моисей идет на Синайскую гору и взывает к Господу. Господь повелевает ему разделить овец. Люди делят овец и насыщаются. Далее: **сѣбравъ моисеи народы на горѣ синаисѣи начатъ поучати народы и полагати законы и полагати оуставы и исправы и прочаѡ строѡ и разлогы и вѣсакыѡ оуправы и прочаѡ оуроки и поконы : и приѡша народи законъ моисеовъ**. Затем Моисей уходит с горы и запрещает людям восходить на гору и почитать идолов. Люди начинают жить добродетельно: **и шѣдше народи троуждаахъ са на полихъ и на нивахъ не покладаѡще ржкъ и альчѡщаѡ напитокѡхъ и жаждѡщаѡ напѡахъ и нищаѡ накрѣмѡахъ и сырыѡ призираахъ и немощныѡ исцѣѡахъ и маломощныѡ лѣчаахъ и жродивыѡ почитаахъ и мрѣтвыѡ погрѣбаахъ**. Но здесь этот перечень добродетельных форм поведения под пером автора начинает неожиданно принимать новую окраску: **и тризны творѡахъ** – действие языческое. А дальше перечень уже становится открыто отрицательным: **и жизньъ своѡхъ проваждаахъ въ прохлаждении и призываахъ идолы и не почитаахъ иса хса и не испльняахъ завѣта его**. Таким образом, апокриф рассказывает о том, как был принят людьми Моисеев закон и какое моральное достижение он составил по сравнению с господствовавшим ранее идолопоклонством. Но сообщает и о том, что благо Моисеева закона было ограниченным, поскольку люди еще не исполняли завета Христа.

В результате выявилось целое большое сочинение, состоящее из четырех отдельных статей («тетралогия»), о постепенном движении

людей от тьмы язычества через ограниченное благо Моисеева закона к свету учения Христа. Понятно, что части тетралогии следуют в порядке, обратном нашему изложению. В тексте эти части не имеют названий, но среди надписей, обнаруженных позднее на передней обложке кодекса, имеются четыре следующих друг за другом словосочетания, которые точно соответствуют по смыслу и по порядку частям тетралогии и, очевидно, использовались писцом в качестве их названий. Эти названия таковы: **законъ моисеевъ; размаряѡщи и размиряѡщи; архангѡль гаврииль; законъ иса хса**. Они показывают, что писец четко осознавал это единство четырех статей как историю перехода от Моисеева закона к закону Иисуса Христа. Соответственно, тетралогии можно дать условное название «От язычества к Христу».

Композиционные и художественные особенности всех частей тетралогии в высокой степени сходны; естественно предполагать для них единое авторство.

Помимо тетралогии, был обнаружен также ряд других сочинений.

Неизвестное сочинение, озаглавленное: **+ О СЪКРЪВЕНЪИ ЦРКВЪ спасителя нашего иса хса ѡже въ лаодикии мирликиисцѡи и о лаодикиисцѡи молитвѡ господи нашего иса хса**. Оно начинается так: **Азь лаодикианинь леонидь съставихъ кънигы сица : азь есмь глава цркве лаодикиискыца и памфилиискыца и мирликиискыца и писидиискыца и колосиискыца : азь леонидь питомецъ есмь павъловъ ключа приимы отъ лаодикиискыца цркве и отъ памфилиискыца и мирликиискыца и писидиискыца и колосиискыца цркве**. Весь последующий фрагмент, который удалось прочесть (длиной в полторы страницы), состоит из фраз, начинающихся с **азь есмь**. Сообщается, в частности, что автор научен Лукою апостолом и Климентом папой римским, отгоняем от истины Полиником, цесаревым слугою, прельщаем Октавом патрикием. Далее следует длиннейшее перечисление лиц, поставивших автора попом.

Сочинение, озаглавленное: **О ДѢВЪСТВѢ ПРОПОВѢДЬ ИВАНА златоустаго**. За этим заголовком следует текст, который оказался началом весьма точного перевода трактата Иоанна Златоуста «О девстве» (Περὶ παρθενίας), славянский перевод которого до сих пор был неизвестен: **Дѡвства благо отвръгаѡтъ иоудеи : и не дивно ничто же : занеже и самого иже отъ дѡвы хса бечъстиша : дивать са еллини и поражаѡтъ са : рвьноуеть же едина цркы бжиа** (прочтен фрагмент длиной в одну страницу). Переводчик искусен, он не боится, где надо, отступить от буквального следования оригиналу; например,

иногда передает греческое словосочетание одним славянским словом и наоборот. Тонкие нюансы греческих модальностей и частиц под славянским пером обычно упрощаются.

Апокалипсис Иоанна Богослова. Он озаглавлен: **ОТЪКРЪВѢНІЄ ИВАНА БОСЛОВА**. Начало текста: + **отъкрѣвєніє іса хса єже дасть ємоу бѣ показати рабомъ своимъ имъ же подобасть бытии въ скорѣ** и т. д. (прочтен фрагмент длиной в одну страницу). Это древнейший список славянского перевода Апокалипсиса; из известных до сих пор списков старший относится к XIII в.

Неизвестное сочинение, озаглавленное: + **СЪКАЗАНИЕ АПОСТОЛА ПАВЪЛА о таинѣмъ патерицѣ моисеевѣ и о въпрашани о кладазі прѣмѣдрости и о прѣложени кнѣи҃гъ и о проповѣди павѣловѣ и о пишємыхъ кнѣигахъ**. Оно начинается так: **Азь оученикъ ісоу хсовъ съставихъ кнѣи҃гы сѣа о крѣстианьсцѣмъ житиѣ и о проповѣдани истинѣ крѣстианьскѣа и о проповѣдани оучениа хсова: азь оученикъ хсовъ апостоль павѣль избранъ отъ оученикъ петровъ и отъ оученикъ иаковль и отъ оученикъ лоучинъ и отъ оученикъ матѣеов и отъ оученикъ марѣковъ...** Весь последующий фрагмент, который удалось прочесть (длиной в одну страницу), есть продолжение последней фразы: сообщив о том, что он был избран из учеников Петра, Иакова, Луки, Матфея и Марка (явно апостолов), автор не останавливается, а продолжает этот список своих учителей еще как минимум двумя десятками имен (не имеющими, однако, столь ясной интерпретации, как первые пять).

Рассматривая совокупность донныне неизвестных текстов, читаемых в кодексе (т. е. все тексты, кроме псалмов, Апокалипсиса и трактата «О девстве»), можно заметить, что их стилистика и приемы построения чрезвычайно сходны. Так, для них характерна прежде всего уникальная манера огромного числа (иногда более ста) повторений некоторой фразовой формулы, особой для каждого конкретного сочинения и служащей для него «структурным лейтмотивом». При заполнении этой формулы конкретным лексическим материалом автор проявляет виртуозное владение словесной формой, в частности умеет нанизывать словоформы, имеющие разные корни при одинаковой приставке или разные приставки при одинаковом корне, создает неологизмы и т. п. Некоторые приемы построения текста (в частности, повторы – прямые или с вариациями) обнаруживают близость к приемам народной славянской поэзии. Отдельное сочинение строится по следующей общей схеме: 1) краткое (одна-две фразы) вступление (эта часть иногда отсутствует); 2) пространная

а) он начинается азом и оканчивается омегой – так же, как и полный вариант (т. е. и в том и в другом случае соблюден принцип «от альфы до омеги»); б) он выписан в таком составе много раз, причем в некоторых случаях точно рассчитан по длине таким образом, чтобы занять ровно одну полную строку или (в случае вертикальной азбуки на бортике) весь бортик сверху донизу; в) тот же состав имеет перечень названий букв.

Исключительный интерес представляет близкое сходство краткой азбуки кодекса с так наз. Софийской азбукой (выписанной на стене киевского Софийского собора [Высоцкий 1976: 12, № 100]).

Софийская азбука отличается от греческой добавлением всего трех специфически славянских букв: **б ж ш**; кроме того, греческое ψ , по-видимому, переосмыслено как **щ**. Краткая азбука кодекса отличается от Софийской тем, что устраняет греческие буквы, используемые только как цифры (**θ** и **ξ**), и добавляет три специфически славянских буквы: **с ц ч**. Таким образом, Софийская азбука отражает самый первый шаг в приспособлении греческой азбуки к нуждам славянского языка, краткая азбука кодекса делает еще один шаг в этом направлении. Но ни та, ни другая еще не знают никаких специфически славянских гласных букв.

Тесное сходство между Софийской азбукой и краткой азбукой Новгородского кодекса окончательно перечеркивает версию, согласно которой Софийская азбука недописана, и показывает, что на древнем этапе развития кириллицы существовали такие варианты состава азбуки, в которых к греческим буквам уже были добавлены специфически славянские согласные буквы (все или хотя бы часть), но еще не были добавлены специфически славянские гласные буквы (см. также [Зализняк 1999, § 8-9]).

Что касается полной азбуки кодекса, то она обнаруживает близкое сходство с древнейшими берестяными азбуками – № 591 (XI в.), № 460 (XII в.) и № 778 (нач. XIII в.). И в той и в других к концу алфавита добавлен ряд специфически славянских гласных букв (в основном одинаковый, если не считать некоторых частных). Чрезвычайно показательным, однако, что во всех этих азбуках отсутствует буква **ь**, т. е. все они отражают одноеровую графическую систему.

При этом полная азбука кодекса обнаруживает все же несколько иную линию развития, чем берестяные азбуки, – более книжную. Это выражается прежде всего в том, что здесь сохраняется греческий принцип «от альфы до омеги» (причем он реализован даже дважды – в составе как полной, так и краткой азбуки); между тем в берестяных азбуках (т. е. в бытовой традиции) омега либо вообще

отсутствует (так в № 591), либо стоит внутри ряда (после х), но не в конце всей азбуки. Книжной чертой нужно признать также присутствие буквы **ѡ**, которой в берестяных азбуках нет.

Чрезвычайно интересно то, что писец Новгородского кодекса владел двумя азбуками сразу, осознавая, таким образом, фундаментальный характер краткой азбуки и расширенный характер полной.

После перерыва, связанного с новым полевым сезоном раскопок в Новгороде, исследование кодекса было продолжено мною осенью 2001 – зимой 2002 г. (снова в Геттингене). За этот период найдено два новых важных текста, причем оба они обнаруживают те же стилистические и композиционные черты, что и указанный выше комплекс сочинений неизвестного автора, т. е. есть все основания полагать, что и здесь автор тот же.

Неизвестное сочинение, озаглавленное: **о прощении грѣховъ наказание ѡ alexсандра ...** (одно слово неясно) **отъ рода лаодикииска ареопагита Ѡракииска желѣзьныа горы обитѣли настоятеля митрополита константина града презвутера пророка даниила** (прочтен фрагмент длиной несколько менее страницы).

С каждой строчкой этого сочинения становится все яснее, что оно принадлежит некоей особой ветви христианства, далекой от канонической. Непосредственно за заголовком следует молитва: **тебѣ молимъ са отъче alexсандре отъпоусти намъ грѣхы наша ѡкоже хощеши и даи намъ съпасение и пищѣ раа : аминь**. Эта единственная обнаруженная в кодексе молитва – абсолютно неканоническая и очевидным образом еретическая с точки зрения господствующей церкви. В ней Александру в сущности приписываются prerogative Бога.

После этого начинается основной текст: **грѣхъ есть прѣжде вѣкъ рождень и прѣжде творения помысль отъкрыеть са людемъ грѣховное томление плъти и томление дѣха**. Очевидна несовместимость этой фразы с канонической христианской доктриной. Предвечность зла (и тем самым греха) – дуалистический тезис, один из главных принципов всех ересей манихейского толка.

Далее: **къто оставлаеть са прѣдъ свѣтомъ апостольскыа вѣры съ проста ѡпоустать са емоу грѣси его : къто оставлаеть са прѣдъ свѣтомъ апостольскыа вѣры не ѡпоустать са емоу грѣси его**. Затем мы уже видим Александра в облике пророка; люди призываются к тому, чтобы оставить свое имя и повторять слова пророчества Александрова: **приведѣте къ мнѣ моя дѣти оставите своа села и дома придѣте и принесете своа товары и съберѣте пророкы ваша и глаголите ѡзыкомъ своимъ словеса пророчества alexсандрова**. (Примечательно,

что Александр упоминается здесь в третьем лице, хотя в начале он назван автором данного поучения.)

Очень важна следующая фраза: **къто послушаетъ петра послушаетъ мене**. Под Петром естественно понимать апостола. Здесь уместно отметить, что в перечне еретических заблуждений боснийских манихейцев (богомиллов), составленном в 1461 г. кардиналом Торквемадой (дядей знаменитого инквизитора), № 17 таков: именно они-де суть наследники апостолов, а их ересиарх есть епископ церкви и замена и наследник Петра [Vogumili: 643]. Между прочим, и для первой части приведенного Торквемадой тезиса богомилов («именно они-де суть наследники апостолов») в данном тексте имеется косвенное соответствие в виде повторяющегося выражения «апостольская вера».

Далее повторяется призыв: **оставите ваша села и дома**. Весь дальнейший прочтенный текст – это бесчисленные повторения фразы **и съставите своа раздѣлы**, но только с заменами корня в последнем слове. Автор виртуозно нанизывает существительные данной структуры, прибегая также и к словотворчеству (как, например, в случае никогда не встречающегося, но вполне понятного **распловы**). Фигурируют: **разлады, раздоры, расклады, развозы, распловы, разлогы, разлѣты, размѣры, размлѣвы, разлжкы, раскоры, разломы, разносы, разыоды, разметы, распоусты** (впрочем, некоторые из этих слов читаются недостаточно надежно). Заметим, что такой ошеломляющий ряд, конечно, мог возникнуть только при сочинении по-славянски (но никак не в процессе перевода).

Неизвестное сочинение, озаглавленное: **Дховъное наставленіє ѿ отца и ѿ матерє къ сынови** (прочтен фрагмент, уместившийся в кодексе, т. е. длиной в четыре страницы). Оно начинается так: **при животѣ своемъ отъвѣщаєвѣ тебѣ сыноу мои чѣто чловѣкъ въ житии сѣмь**. Все дальнейшее – это реализация (только лишь в прочтенном фрагменте более сотни раз) одной и той же фразовой модели: **миръ єсть градъ въ немъ же...**, где конец составляет указание на какое-нибудь свойство существующего мира (изредка вместо **въ немъ же** выступают **о немъ же, по немъ же, иже**). Называемые свойства мира обычно нейтральны в моральном отношении (по крайней мере в начале перечня); но чем дальше по ходу текста, тем больше появляется предложений, в которых звучит пусть сдержанное, но все же осуждение существующего порядка вещей.

С точки зрения формы предложения варьируют от совсем бесхитростных (скажем, **миръ єсть градъ въ немъ же чѣтжтъ кѣнигы**) до торжественно-возвышенных (например, **миръ єсть градъ въ немъ**

же повелѣваѣтъ чловѣчьскыи сждьбамы чловѣчьскыа страсти). Автор великолепно умеет играть, с одной стороны, синонимией и антонимией, с другой – созвучиями слов. Вот примеры: **миръ есть градъ въ немъ же живѣтъ людие различъ лицемъ и различъ челомъ; миръ есть градъ иже съставиша людие различъ мыслиѣ и различъ оумомъ; миръ есть градъ по немъ же ходатъ людие различъ съмотрениемъ и различъ съмѣрениемъ.** Он постоянно демонстрирует свое виртуозное владение словом, например: **миръ есть градъ въ немъ же отсылаѣтъ посъланыѣ, миръ есть градъ въ немъ же отъправляѣтъ направленьѣ.** Иногда он предается даже чистой словесной игре: **миръ есть градъ въ немъ же съставляѣтъ сдставы, миръ есть градъ въ немъ же раскладаѣтъ расклады; или: миръ есть градъ въ немъ же припасаѣтъ припасы, миръ есть градъ въ немъ же запасаѣтъ запасы.** Встречаются литературные аллюзии, например: **миръ есть градъ въ немъ же ѡзыци шатаѣтъ сѧ** (ср. **въс кжѣ шаташа сѧ ѡзыци** – псалом 2:1).

Чрезвычайный интерес представляет следующая космографическая сентенция: **миръ есть градъ въ немъ же прѣбывають арменѣ и африкианѣ и Фракианѣ и италианѣ и испанѣ и грѣци.** Заметим прежде всего, что такой список народов мира, надо полагать, невозможен в сочинении грека: у него греки не выступали бы просто как один из народов в общем списке и уж во всяком случае не могли бы оказаться в этом списке на последнем месте. Тем самым это сильнейший аргумент против того, что текст переведен с греческого, – в дополнение к тем аргументам против переводного характера рассматриваемых сочинений, которые приводились выше.

Очень существенно то, что главные средиземноморские народы – италийцы, испанцы и греки – названы лишь во вторую очередь, а на первые места поставлены армяне, африканцы и фракийцы. Фракийцы заставляют сразу же вспомнить, что в «Наказании о прощении грехов» Александр назван ареопагитом фракийским. К сожалению, неизвестно, стоит ли за наименованием **Фракианѣ** определенный этнос (и какой именно) или это чисто географическое обозначение. Во Фракии и прилегающих областях жило также большое число армян, переселенных сюда византийскими императорами в VIII—IX вв.; их центром был Филиппополь (Пловдив). В религиозном отношении это были в большинстве своем последователи павликианства – дуалистического учения, в дальнейшем послужившего историческим источником идеологии богомилства. Таким образом, приведенный список народов достаточно ясно указывает на связь автора с Фракией и косвенно также на его возможную связь с кругом дуалистических учений, процветавших в X в. в этом регионе.

Недостаточно ясно, что стоит за наименованием **африкиане**, в частности, включает ли оно коптов (среди которых имели широкое хождение гностические и манихейские учения).

Наконец, особенно важна для нас та часть «Наставления сыну», которая посвящена отлучениям от церкви. Она построена очень искусно. Первая фраза совершенно нейтральна, в ней нет никакого осуждения существующего положения вещей: **миръ есть градъ въ немъ же отължчаѣтъ отъ цркъвѣ еретики**. Вторая фраза немного ослабляет вину отлучаемых: **миръ есть градъ въ немъ же отължчаѣтъ отъ цркъвѣ чловѣкы неразумны**. Третья уже фактически ставит под сомнение справедливость наказания: **миръ есть градъ въ немъ же отължчаѣтъ отъ цркъвѣ чловѣкы непокоривы**. А четвертая уже провозглашает его несправедливость: **миръ есть градъ въ немъ же отължчаѣтъ отъ цркъвѣ чловѣкы непорочны**. Далее это нарастание невинности отлучаемых продолжается. Продемонстрируем всю градацию (приводя только последние члены фраз): **еретики – чловѣкы неразумны – чловѣкы непокоривы – чловѣкы непорочны – чловѣкы невиновны – чловѣкы непрѣломны – чловѣкы недостойны такоа кары – чловѣкы недостойны такоа отължчѣнѣа – чловѣкы прѣчистыа вѣры – чловѣкы достойны хвалы – чловѣкы достойны прославлѣнѣа – чловѣкы неостъдпны отъ правыа вѣры хсовы**.

Таким образом, автор открыто провозглашает правоту отлучаемых от официальной церкви, т. е. принимает сторону тех, кого церковь считает еретиками. То, что на основании других мест из рассматриваемых сочинений мы могли только предполагать, здесь объявлено совершенно прямо.

Сказанное означает, что сам этот автор был с точки зрения официальной церкви еретиком. Наиболее распространенной и активной ересью в Slavia Orthodoxa X века было богомилство. Продолжала существовать и более древняя ересь, историческим ответвлением которой было богомилство, – павликианство. По-видимому, к какой-то из разновидностей этих еретических течений принадлежал и автор рассматриваемых сочинений.

Установив еретический характер Новгородского кодекса, мы сразу получаем простое объяснение того странного на первый взгляд обстоятельства, что ни один из неканонических текстов этого кодекса не обнаруживается больше нигде. Мы не должны более этому удивляться, поскольку, как известно, богомилские, павликианские и прочие еретические сочинения активно преследовались официальной церковью и систематически уничтожались.

Очевидно, приверженцем ереси был и писец Новгородского кодекса, коль скоро он так последовательно переписывал сочинения

автора-еретика. В связи с этим уместно вспомнить эпизод из Никоновской летописи, согласно которой в 1004 году (т. е. примерно тогда же, когда Новгородский кодекс попал в землю) был брошен в тюрьму (очевидно, в Киеве) скопец инок Андрьян: *Того же лѣта митрополитъ Леонтъ посади въ темницу инока Андрѣяна, скопца. Укаряше бо сей церковныа законы, и епископы, и презвитеры, и иноки; и помалѣ исправися, и прииде въ покояніе и въ познаніе истины, якоже и многимъ дивитися кротости его, и смиренію и умиленію* [ПСРЛ IX: 68]. По мнению Е. Е. Голубинского, Андрьян был богомил (см. [Иванов 1925: 39]). Можно предполагать, что по своей биографии и характеру деятельности Андрьян и писец Новгородского кодекса были сходны.

Особого внимания заслуживает фигурирующая сразу в двух сочинениях Новгородского кодекса Лаодикия (известная христианам прежде всего в связи с тем, что Лаодикийская церковь выступает в числе семи избранных церквей в Апокалипсисе). В «Наказании о прощении грехов» про Александра сказано, что он «лаодикийского рода». Главным героем сказания «О сокровенной церкви в Лаодикии» является первый лаодикийский епископ Леонид (реальность которого никакими данными из известной нам истории Лаодикии не подтверждается). В названии этого сказания фигурирует также неизвестная канону «лаодикийская молитва Иисуса Христа» (к сожалению, соответствующая часть самого сказания, вероятно, вообще не попала в рамки нашего кодекса). Эти упоминания Лаодикии производят, таким образом, скорее впечатление некоего престижного символа, чем отсылки к реальной истории и географии.

Прямую связь с данной проблемой обнаруживает странный и не имеющий до сих пор общепризнанного объяснения (см., в частности, [De Michelis 1993: 41 и след.]) эпитет «лаодикийский» в «Лаодикийском послании» новгородского еретика Федора Курицына, написанном 500 годами позже.

Можно предположить, что в традиции богомилства и других учений манихейского толка у Лаодикии по какой-то причине (может быть, в связи с легендой о лаодикийской молитве Иисуса Христа) сложилась, причем очень рано, коннотация сакральности и особой престижности, в силу чего она превратилась в своего рода тайный знак причастности к определенным запретным учениям, понятный лишь посвященным. Если это так, то, называя свое послание лаодикийским, Федор Курицын давал понять своим единомышленникам, что оно адресовано именно им.

Следующий важный шаг в изучении Новгородского кодекса был сделан в июне 2002 г. На бортиках кодекса была обнаружена многократно

записанная дата: XСФЗ = 6507, т. е. 999 г. При этом, однако, не удалось найти каких-либо следов относящегося к этой дате текста (например, слов **въ лѣто**), и с каким событием связана эта дата, оставалось неизвестно.

Несколько позже, однако, та же дата была найдена и на странице, и ситуация прояснилась, поскольку здесь дата уже входила в состав текста, а именно:

Въ лѣто XСФЗ азъ мѣнихъ исаакіи поставленъ попомъ въ соуждали въ црѣквѣ сватаго александра арменина : александръ же арменинъ прѣподобныи воинъ велии бѣаше х̄совъ : сѣмоу покланѣемъ са и сѣмоу въздаемъ хвалѣ и чѣсть и прѣклоненіе и молитвы за него съврѣшаемъ и просимъ господа о съдравии его и прошеніа наша приатѣна сжѣть господѣви нашѣмоу ӣсоу х̄соу : отъ рода лаодикииска арсѣпагитѣ Ѳракиискѣ настоятель обитѣли желѣзныца горы митрополитѣ константина града презвутерѣ пророка Даниила.

Этот короткий текст содержит сразу несколько элементов ценнейшей новой информации.

Прежде всего, ценно само появление даты. Дата 999 г. непосредственно примыкает к тому интервалу, на который указывают хронологические оценки, полученные другими способами. Разумеется, это еще не дата написания кодекса (к тому же, как мы уже знаем, кодекс использовался много лет). 999 г. – это дата, раньше которой не могла быть сделана данная запись в кодексе. Но запись могла быть сделана и позднее; с другой стороны, кодекс уже мог быть в употреблении и до того момента, когда писец внес в него эту запись.

Мы узнаем, что в 999 г. монах Исаакіи был поставлен попом (т. е. стал иеромонахом) в Суздале. Сразу же возникает вопрос: писец Новгородского кодекса – это и есть сам Исаакіи или он лишь точно скопировал (сохраняя слово **азъ**) текст, принадлежащий Исаакію. Язык записи, к сожалению, не помогает нам в решении этого вопроса: запись составлена на правильном старославянском языке, но мы уже видели, что наш писец, хотя он восточный славянин, в целом хорошо справляется с соблюдением старославянского правописания (к тому же, как уже указано выше, возможные смещения в группе **ѡ, ѣ, ѧ** могли здесь остаться незамеченными).

Отметим еще, что средняя часть записи (**сѣмоу покланѣемъ са** и т. д.) как бы разрывает связный текст (**воинъ велии бѣаше х̄совъ, отъ рода лаодикииска** и т. д.). Это могло произойти, в частности, оттого, что писавший вначале забыл (или не счел нужным) дать при имени Александра стандартный список его санов, а потом все же решил его добавить. Но нашего вопроса это обстоятельство не решает:

текст с такой особенностью мог возникнуть непосредственно под пером писца, но мог также стоять уже в протографе.

Мы считаем более вероятным, что перед нами автограф Исаакия. Помимо того, что копирование чужой записи с сохранением текста от первого лица есть вообще сравнительно редкая операция, при версии об автографе легче объяснить, почему бортики и страницы кодекса испещрены датой $\times\text{СФЗ}$, причем без всякого сопровождающего текста. Дата поставления попом есть своего рода дата второго рождения (более высокого, чем первое), и поп вполне мог любить выписывать ее без особой цели. Но очень трудно представить себе, чтобы таким способом человек отмечал дату поставления третьего лица. Кроме того, если Исаакий прибыл в Новгород из Суздаля, то сразу находит простое объяснение тот факт, что в его записях нет никаких следов цоканья.

Поставление Исаакия в сан священника отстоит от 988 г., формальной даты крещения Руси, всего на 11 лет. Был ли он в числе тех, кого отдали учиться грамоте после крещения Руси, или обучился грамоте раньше – возможно, в Болгарии или на Афоне? Если это и есть наш писец, то более вероятным представляется второй вариант – иначе придется допустить, что он либо был поставлен попом в неправдоподобно молодом возрасте, либо обучился грамоте, будучи уже взрослым, и тем не менее сумел стать таким мастером. Кроме того, при втором варианте легче объяснить: а) превосходное владение нормами старославянского правописания; б) пострижение в монахи (вообще говоря, архиерей мог совершить его и вне монастыря; но обычно оно все же происходило в монастырях, а на Руси монастырей еще не было); в) следование еретическому религиозному направлению. Заметим, что второй вариант тем более вероятен, если Исаакий не тождествен нашему писцу (но в этом случае мы уже просто можем иметь дело с южным славянином).

Исаакий был поставлен попом в Суздале в церкви святого Александра. То, что летописи не знают никакой древней церкви святого Александра в Суздале, конечно, не должно нас удивлять – о церквах столь древней эпохи мы знаем очень мало. Но в данном случае для неупоминания этой церкви имеется и гораздо более важная причина: это церковь в честь того, кого почитают святым еретики. Церковь в данном случае может означать просто церковную общину; храма она скорее всего вообще не имела. (В частности, у богомилов храмов не было.) Но не исключено также, что «церковью святого Александра» называлось все то религиозное направление, к которому принадлежали автор рассматриваемых сочинений и писец кодекса; ныне его можно условно обозначить как «александритство».

Перечень санов почитаемого в этой ветви христианства Александра почти дословно совпадает с содержащимся в «Наказании о прощении грехов». Новым является именование Александра святым. Но особенно существенно то новое сведение, что Александр был армянин. Сразу же становится ясно, почему в мироздании автора армяне – это первый народ. И подтверждается возникшее на основании ранее найденных текстов кодекса предположение, что еретическое религиозное направление, отраженное в Новгородском кодексе («александритство»), восходит к дуалистическим учениям, принесенным во Фракию армянами.

Для понимания предыстории Новгородского кодекса чрезвычайно важно упоминание Суздаля. Независимо от того, тождествен ли суздальский поп Исаакий писцу кодекса, оно связывает изготовление кодекса с событиями, происходившими уже на Руси, – в частности, исключает версию, по которой кодекс был списан в Болгарии находившимся там восточнославянским книжником и просто привезен на Русь.

Вопрос о том, каким образом кодекс, связанный с Суздалем, оказался в Новгороде, пока остается открытым – равно как и вопрос о том, имелась ли какая-либо связь между Исаакием и суздальскими «волхвами», выступление которых в 1024 г. окончилось тем, что Ярослав сам пришел в Суздаль *и изымавъ волхвы расточи а другиа показни* (Лаврентьевская летопись, с исправлением по Ипатьевской [ПСРЛ I: стлб. 147; II: стлб. 135]).

Таково нынешнее состояние работ в «библиотеке» Новгородского кодекса, точный объем которой еще далеко не выявлен.

Приношу искреннюю благодарность М. Н. Толстой, И. Валлотон и М. Бобрик за постоянную помощь в работе над этим удивительным памятником.

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов 1961 – *Ангелов Д.* Богомилството в България. 2-е изд. София, 1961.
- Высоцкий 1966 – *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской (XI – XIV вв.). Киев, 1966.
- Высоцкий 1976 – *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI – XVII вв.). Киев, 1976.
- Зализняк 1999 – *Зализняк А. А.* О древнейших кириллических абecedариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 543-576.

- Зализняк, Янин 2001 – *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3-25.
- Зализняк 2002 – *Зализняк А. А.* Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI века // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 4.
- Зализняк (в печати) – *Зализняк А. А.* **Азь архангѣль Гаврииль пишѣж молитвѣж** // Festschrift Lehfelddt (в печати).
- Иванов 1925 – *Иванов Йор.* Богомилски книги и легенди. София, 1925.
- НГБ III – *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953 1954 гг.). М., 1958.
- Оболенский 1948 – *Obolensky D.* The Bogomils: A Study in Balkan Neomanichaeism. Cambridge, 1948.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- Bogumili – Bogumili // Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1955. 1. S. 640-645.
- De Michelis 1993 – *Michelis De C.* La valdesia di Novgorod. «Giudaizzanti» e prima riforma. Torino, 1993.